

УДК 091:321.6

**ЛОГИЧЕСКАЯ, ИЛИ «АРИСТОТЕЛЕВА»,
РЕФЛЕКСИЯ ТЕОЛОГИИ В «ПОСЛАНИИ ИКОНОПИСЦУ»
ИОСИФА ВОЛОЦКОГО**

М.Л. Тузов

Аннотация

В статье рассматривается проблема применения логики в теологии и логической рефлексии теологии в трактате «Послание иконописцу» русского средневекового теолога Иосифа Волоцкого. Используя аристотелевы логические принципы, Иосиф Волоцкий в полемике с еретиками излагает точку зрения о том, что Священное Писание не может иметь противоречий. Последние носят мнимый характер, определяются несовершенством человеческой природы. Фактически русский теолог рационально осмысливает необходимость подчинения теологического рассуждения требованиям логики, но только в контексте правильной экзегетики священных текстов.

Ключевые слова: логика, теология, рефлексия, противоречие, смысл.

Согласно гиперкритическому, с его специфичными (и весьма спорными) критериями, подходу к истории русской средневековой теолого-философской мысли, никакой логической рефлексии теологии в XV – XVI вв. не было и быть не могло¹. Так, Г.Г. Шпет в замечательном по-своему «Очерке развития русской философии», исходя из фактически сциентистского понимания философии (см. [1, с. 12–13]), пришел к логичному выводу о том, что теоретический – логико-философский уровень – произведений этого времени был крайне низок², тем более что античные первоисточники в культурный оборот введены не были, а значит, не было и технического инструментария философствования и богословствования, сравнительно со святоотеческой и западной средневековой традициями. Выводы Г.Г. Шпета, сделанные в логике избранной им методологи-

¹ Известно, что «Послание иконописцу», как и «Просветитель», во многом компилятивны. Однако, в-первых, это характерно для средневековой богословской литературы. Во-вторых, это глубоко продуманные теологические конструкции, а в силу этого рефлексия вполне может выступать элементом этой продуманности, даже не являясь «эпицентром» учения Иосифа Волоцкого.

² По мнению Г.Г. Шпета, в русском Средневековье было полное отсутствие «нужд и интересов в теоретическом обосновании или анализе веры и вероучения». Западно-христианская мысль могла при необходимости непосредственно обращаться к Платону (как это сделал Блаженный Августин) и Аристотелю. «Ничего подобного не было и не могло быть у нас. Языков древнего мира и, следовательно, языка евангелий и языков отцов церкви мы не знали. Мы не могли даже переводить. За нас переводили греки, болгары, сербы и переводили не на наш русский язык, а на язык чужой, хотя и близкий к нашему. Но и переводной литературой мы были нищенски бедны. Невежество, как известно, не только не умеет отвечать на вопросы, но не умеет и задавать их. Индифферентизм русских к теоретическому оправданию веры находит в этом, думается, полное оправдание. Клир был некультурен и не имел элементарных потребностей пытливого ума, паства жила в темноте и не имела представлений даже о том, что такие потребности могут существовать» [1, с. 54–55].

ческой «колеи», были с этой точки зрения вполне обоснованными. При всем уважении к выдающемуся русскому философу, позволительно не соглашаться как с его исходными принципами, так и с оценками русской средневековой мысли. Отнюдь не все в культуре этого времени было «диком», как порой ему представлялось.

В 3-м слове «Послания иконописцу» именуемом «Слово на ересь новгородских еретиков, глаголющих, яко не подобает писати на иконах святую и единосущную троицу: Авраам, бо рече, видел есть бога с двема аггелома, а не троицу. Зде же имат сказание от божественных писаний, яко Авраам виде святую троицу, и яко подобает христианом писати на всечестных иконах святую и животворящую троицу», опубликованном в Приложении монографии Н.А. Казаковой и Я.С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века», опровергая утверждения о том, что не следует изображать на иконах Святую Троицу, Иосиф Волоцкий пишет о необходимости дать ответ на вопрос, почему иногда говорят, что Авраам принял у себя Троицу, иногда – Бога с двумя ангелами, а иногда – трех ангелов (иначе говоря, не возникает ли здесь противоречие?): «Подобает же и о семь рещи ныне, яко мнози недоумеють о сем и глаголють: «Како святии и божествении отци и учителя наши пишють овогда, яко святую троицу приат Авраам, овогда же, яко бога приат с двема аггелома, овогда же, три аггелы приат?» Сиа убо глаголы мнятся, яко съпротивны себе. Но не суть съпротивны, но и зело съгласны являться и свидетельство имущее от божественных писаний, ветхых же и новых. Глаголет убо великий Максим, яко всяко божественное писание, ветхое же и новое, о себе раздрешение не имат, аще не отци святии, божественным испльнени духомъ, яко же лепо есть, скажут тако, яко же пишет: многаа бо в писаниих видятся, яко съпротивляющиеся друг другу, и овогда убо сие глаголють, овогда же инако. Се же бывает от нашего нерассужения, или от преобидения, или от презорьства, словеса же святых мужей не изменяются. Но плотни суще, духовнаа мудрствовати не можем, яко же некто от святых рече, яко плотскаа мудръствующеи, не по воли святаго духа разумеють божественнаа писания, но по воли плотьстей. Сего ради подвигнемся о сем с страхом Божиим, и упранимся с смирением в божественнаа, яко же глаголет божественный Иоан Златоустый, еже уведети нам куюждо главизну тако, якоже лежит, и в свое время приимати, а не безвременне, и не несъгласны убо нам явятся, но и зело съгласны» [2, с. 364].

Перевод на современный русский язык иеродиакона Романа (А.Г. Тамберга), выполненный по 3-му казанскому изданию «Просветителя»¹ Иосифа Волоцкого, таков: «Теперь же следует повести речь о том, что многих повергает в недоумение. «Как это, – удивляются они, – святые и божественные отцы и учителя наши иногда пишут, что Авраам принял Святую Троицу, иногда – что Бога с двумя ангелами, а иногда – что трех ангелов? Ведь эти высказывания противоречат друг другу». Но не в противоречии, а в полном согласии явятся они пред нами, будучи подтверждены Божественными Писаниями, ветхозаветными

¹ Тексты «Послания иконописцу» и соответствующих «слов» «Просветителя» практически идентичны. Имеющиеся различия несущественны для анализа интересующего меня аспекта творчества Иосифа Волоцкого. Подробнее о соотношении текстов «Послания иконописцу» и «Просветителя» см. [2, с. 320–323; 2, с. 22–23].

и новозаветными. Поэтому и говорит великий Максим, что Священное Писание не может быть понято нами без толкования святых отцов, исполненных Божественным Духом. Без этого толкования людям видится в Писании много противоречий: тут, дескать, одно говорится, а там – совсем другое. Но это бывает от нашего нерассуждения, от гордыни и превозношения; смысл слов же святых мужей не меняется. Ведь мы, люди плотские, не можем рассуждать о духовном: таковые, говорит некто из святых отцов, разумеют Божественные Писания не по воле Святого Духа, а по воле своей плоти. А потому приступим к сему делу со страхом Божиим и углубимся со смирением в Божественные Писания, чтобы, как говорит божественный Иоанн Златоуст, увидеть нам в каждом слове именно тот смысл, который в нем заложен, и принять его в должное время. Тогда не противоречащими друг другу предстанут пред нами поучения из Священного Писания, а, наоборот, в полном взаимном согласии» [3, с. 118–119].

Само по себе обсуждение наличия в текстах Священного Писания и отцов церкви противоречий не является чем-то необычным для богословского произведения, тем более, направленного против еретиков. Противники христианства и канонических христианских принципов традиционно указывали на подобного рода противоречия, что стало своего рода «общим местом» антихристианских выпадов. Естественно, что ответ на них не мог быть иным, нежели преодолением этих противоречий путем разъяснения их мнимого характера, что и делает Иосиф Волоцкий, опираясь на многовековую традицию интерпретации сложных мест в Библии и в произведениях отцов церкви. Дело в конечном счете не в объяснении того, что выявляемые противоречия на самом деле не есть противоречия, что их в Священном Писании не может быть в принципе¹, хотя это имело немалое значение для развития отечественного богословия, укрепления православной веры. Интересен теоретический инструментарий, использованный Иосифом Волоцким, логическая рефлексия теологии, элементы которой присутствуют в «Послании иконописцу». Речь идет об осмыслении им теологии с позиций закона противоречия (непротиворечия).

Термина «противоречие» в собственном тексте «Послания» нет. Он присутствует только в переводе. Однако в содержательном отношении здесь нет натяжки. О «противоречащих» положениях Писания, применительно к истории явления Аврааму Святой Троицы, Иосиф Волоцкий пишет как о «глаголах», которые «сспротивны себе». Очевидно, что речь идет именно о том, что ныне является значением слова «противоречие». И с филологической точки зрения это именно так. Поэтому использование слова «противоречие» при переводе на современный русский язык абсолютно оправданно. Как видно из приведенной цитаты, у автора перевода не было сомнений в правомерности использования слова «противоречие». Так же нет причин не говорить и о законе противоречия,

¹ «Всяко бо божественное писание, еже предано святей церкви, непорочно есть, и неподобно есть сих укоряти, но всею силою съблюдати и искати сих, яко же лежат, а не яко нам мнятся. Аще ли же кто божественнаа писания укоряет, или оуждает, и полагает свой разум, несть сего безумнейша на земли» [2, с. 364]. Перевод: «Все Божественное Писание, врученное Святой Церкви, непорочно, и нам следует не упрекать его авторов в противоречивости, но всеми силами хранить его и искать в нем то, что заложено, а не то, что мнится. И нет на земле безумнее того, кто критикует Божественное Писание или хулит его, противопоставляя ему свой разум» [3, с. 119].

поскольку его смысл «просвечивает» во фразах и аргументах русского теолога. Иллюзия противоречия возникает из небрежности, неразумности, строптивости, то есть из нашего неумения мыслить правильно. Вдумчивое, глубокомысленное отношение к священным текстам позволяет избежать недоразумений, если, как можно проинтерпретировать позицию Иосифа Волоцкого, речь не идет о еретическом умысле.

В рассуждениях Иосифа Волоцкого обсуждается конкретный вопрос о том, кто явился Аврааму: Троица или не-Троица. С теологической точки зрения здесь дихотомическое деление, когда никакого промежуточного члена быть не может. Бог есть Троица, следовательно, альтернативами будут не-Троица, то есть не-Бог вообще, либо Бог, но не-Троица, а это уже уклонение в ересь. Бог ни при каких обстоятельствах, ни в каком смысле не может пониматься как не-Троица. Тогда это будет просто бог. Подобное словоупотребление есть в Библии, и оно оговорено, и отцами, и учителями церкви истолковано. Значит, когда возникают сомнения, кто посетил Авраама, они возникают от непонимания слов Священного Писания. Задача экзегета – в их разъяснении, раскрытии их глубочайшего смысла. Эта потребность вытекает именно из того, что Бог не может быть не-Троицей. Получается, что аристотелев закон будет здесь реализован так: нами неправильно истолковывается смысл тех или иных слов Писания или отцов церкви. Мы, возможно, понимаем их буквально, упрощенно, не видя в них иносказания, сакрального значения, вырываем цитату не только из контекста, но и из Текста, игнорируем полисемию библейской лексики и т. п. Поскольку никаких противоречий Священное Писание содержать не может, логический критерий показывает нам собственные ошибки или недомыслие. Правильно понятые слова Божественного Писания показывают нам, что противоречия нет, поскольку при внешних разночтениях сохраняется единый смысл, то есть если разными словами говорится об одном и том же, в одном и том же смысле, то, согласно логике, противоречия не будет – нет утверждения и отрицания одновременно одного и того же. Принимая нужный смысл в должное время через экзегетическую процедуру, мы оказываемся мыслящими де-факто в соответствии с законом противоречия, который выступает в роли своего рода индикатора, «сигнальщика» формально правильного богословствования: если ты впадаешь в противоречие, которого быть не должно, значит, в рассуждениях ошибаешься ты.

В приведенном выше отрывке из «Послания иконописцу» мы видим скрытое следование требованиям закона противоречия, его косвенное применение. Именно в этом значении имеющегося в нем высказывания о том, что каждое слово Священного Писания нужно понимать в надлежащем смысле и в должное время. Однако преодолением «противоречий», связанных с некоторыми библейскими цитатами, которых на самом деле не так уж мало, Иосиф Волоцкий не ограничивается. Далее в тексте «Послания иконописцу» он формулирует общий логический принцип осмысления священной теологии, теологии вообще, в ракурсе закона противоречия. Учитывая, что логико-онтологический принцип недопустимости противоречия был сформулирован Аристотелем, позволительно говорить об «аристотелевой» рефлексии теологии, тем более что в средневековом сознании логика по вполне понятным причинам связывалась

с именем Аристотеля, которое в России того времени был хорошо известно образованным людям. С логикой Аристотеля русские мыслители были знакомы хотя бы по переводу «Источника знания» Иоанна Дамаскина, первый раздел которого содержит в себе краткий свод логических знаний, позаимствованных в комментариях Порфирия на Аристотеля либо у самого великого греческого философа¹.

Итак, Иосиф Волоцкий пишет: «Божественаа бо писаниа многажды таже глаголють и о тех же, но разум не той же имуть времени ради и лица ради; инаа бо в божественных писаниих въпрошением подвижима суть, инаа же ответом разрешаема, инаа же духовныя ради истинны, инаа же плотскаго ради желаниа, инаа же от печална сердца, инаа же от радостна сердца произносима. Сихъ бо всех лица божественаа писаниа въсприемлют на ся, и в время прилична, и та же глаголють, но разум не той же имуть» [2, с. 366].

В переводе данная цитата читается так: «Таким образом, в Священном Писании много мест, где говорится об одном и том же, но в разном смысле – в зависимости от времени и от того, к кому обращено слово: иное подвижимо вопрошением к Божественному Писанию, иное разрешается ответом, иное – во обличение страстей, иное – от печали, а иное – от радости сердечной. Поэтому те, к кому обращается Святое Писание, воспринимают его по отношению к себе, в то время, когда это им полезно, в одном и том же находя разный смысл» [3, с. 123].

В переводе словом «смысл» дано древнерусское «разум», что правомерно. Понятно, что противоречие и возникает тогда, когда сказанное разными людьми в разное время берется в одном смысле, «разуме». Но это в полной мере как раз и принадлежит сфере проявления и объясняющей функции закона противоречия. Кроме того, и контекстуально, и по содержанию высказанного здесь имеет место выход Иосифа Волоцкого на уровень логической рефлексии теологии. Разумеется, данный факт не следует преувеличивать. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Я.С. Лурье, что у Иосифа Волоцкого проявляются элементы схоластики, значение которой в развитии русской культуры учтено недостаточно [4, с. 74–75]. Это же относится и к прямым смысловым параллелям с Аристотелем.

Не говоря буквально, что теология должна использовать аппарат логики, Иосиф Волоцкий на деле осмысливает теологические рассуждения как необходимо подчиняющиеся требованиям логики. Более того, именно через логику теология у него приобретает дополнительную убедительность. Как любой средневековый теолог, следующий христианскому канону, Иосиф Волоцкий естественно исходил из приоритета веры, откровенного характера Священного Писания. Однако логицирование теологии, рассуждение о том, какой она должна быть, каким правилам мышления подчиняться, есть не только шаг в ее внутреннем, «теоретическом» развитии, но элемент движения духовной культуры

¹ Данная работа не ставит целью выяснение источников логических знаний Иосифа Волоцкого, возможных заимствований или скрытого цитирования кого бы то ни было, в том числе Иоанна Дамаскина и Аристотеля. Приводятся лишь схожие по смыслу пассажи из их произведений.

русского Средневековья в целом. Точно так же, как это было в других странах Европы благодаря деятельности схоластов в более ранний период¹.

Созвучность идей Иосифа Волоцкого аристотелевой логике прослеживается и в относительном параллелизме текстов. В «Источнике знания» Иоанна Дамаскина есть, по крайней мере, одно место, которому близки по содержанию мысли Иосифа Волоцкого: «...противные противоположности не могут принадлежать одним и тем же индивидам в одном и том же отношении» [5, с. 62]. Это возможная формулировка закона противоречия.

В «Метафизике» Аристотель пишет, что «начало, которым должен владеть всякий, кто постигает какую-либо вещь, такое начало не – гипотеза; а то, что необходимо знать человеку, если он познает хоть что-нибудь, это он должен иметь в своем распоряжении уже с самого начала. Таким образом, ясно, что начало, обладающее указанными свойствами, есть наиболее достоверное из всех; а теперь укажем, что это за начало. Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле (пусть будут здесь также присоединены все <оговорки>, какие только мы могли бы присоединить, во избежание словесных затруднений), – это, конечно, самое достоверное из всех начал: к нему <полностью> применимо данное выше определение. В самом деле, не может кто бы то ни было признавать, что одно и то же <и> существует и не существует...» [6, с. 79]. Текст Аристотеля свидетельствует, что идеи Иосифа Волоцкого с очевидностью вытекают из него логически. Другой вопрос, откуда и в каком виде Иосиф Волоцкий черпал информацию.

Как считал С.С. Аверинцев, «история русской культуры сложилась так, что от Крещения Руси до наших дней христианская рецепция Аристотеля даже в византийских масштабах так и не произошла. В самый ранний период ей помешало отсутствие теологических контроверз и диспутов, столь мощно стимулировавших в Византии и тем более на Западе использование аристотелевской логической техники. Имевшие хождение на Руси переводы Иоанна Дамаскина и других носителей традиции Стагирита не пробуждали достаточно утилитарного интереса, оставаясь простым реквизитом учености» [7, с. 737]. В конечном счете, сказанное верно. Философия Аристотеля действительно усвоена русской культурой плохо. Вместе с тем, когда возникла острая полемика с еретиками, оказалось, что Аристотель, как минимум, полезен. Элементы аристотелевой логики оказались использованными в отечественной средневековой теологии Иосифом Волоцким, причем не только в плане аргументации, но и на уровне рефлексии порядка теологического рассуждения, хотя очевидно, что это имело весьма ограниченный, эпизодический и все же поверхностный и неявный характер. Впрочем, другого в отсутствие традиции быть и не могло.

¹ Само собой, я не собираюсь сравнивать Иосифа Волоцкого, допустим, с Фомой Аквинским или Уильямом Оккамом. Это, прежде всего, некорректно. У каждого из них своя роль в истории культуры. Иосиф Волоцкий может оцениваться в первую очередь в параметрах российской культуры. Сравнительный метод здесь возможен, но он требует «сверхтонкой настройки».

Summary

M.L. Tuzov. Logical, or «Aristotelian», Reflection of Theology in Iosif Volotsky's "A message to the icon-painter".

The article deals with the problems of employing logic in theology and theology logical reflection in the treatise "A message to the icon-painter" written by a medieval Russian theologian Iosif Volotsky. Using Aristotle's logical principles, he presented his point of view, disputing with heretics, that the Holy Scripture could not have any contradictions. The latter have imaginary character and are defined by the imperfection of human nature. In fact, this Russian theologian described rationally the necessity to subordinate theologic discourse to the requirements of logics, but only in the context of correct exegeses of sacred writings.

Key words: logics, theology, reflection, contradiction, sense.

Литература

1. *Шпет Г.Г.* Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 603 с.
2. *Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 544 с.
3. *Преподобный Иосиф Волоцкий.* Послание иконописцу. – М.: Изобраз. искусство, 1994. – 305 с.
4. *Послания Иосифа Волоцкого.* – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 391 с.
5. *Св. Иоанн Дамаскин.* Источник знания. – СПб.: Наука, 2006. – 359 с.
6. *Аристотель.* Метафизика / Пер. с греч. А.В. Кубицкого. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
7. *Аверинцев С.С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – С. 729–739.

Поступила в редакцию
04.09.08

Тузов Михаил Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Казанского государственного университета.
E-mail: *philosophy.dep@ksu.ru*